

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XIX

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД

Книга 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

П. Ф. Беликов, Л. В. Шапошникова

**ИНСТИТУТ «УРУСВАТИ»
(НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. К. РЕРИХА
И Ю. Н. РЕРИХА В ИНДИИ)**

Долина Кулу... Узкая полоса плодородной земли, втиснутая между западными и восточными отрогами Гималайских гор. Весь район расположен далеко от крупных городов Индии, от центров ее культуры. Тем не менее эта отдаленная и малоизученная область представляет собой осколок древнейшей культуры Индии. Вряд ли где-нибудь еще в стране можно найти столь своеобразную и интересную местность. Склоны Гималаев вплотную подходят к реке Беас, протекающей по долине. В некоторых местах достаточно пройти несколько сот метров, чтобы оказаться на тропе, которая поднимается прямо в горы. До сих пор цивилизация мало коснулась Кулу. Долину и сейчас можно считать богатейшим историко-этнографическим и природным заповедником. К Кулу прилегают малоизученные области индийских Гималаев — Лахуль, Спити, Чамба. Все, вместе взятое, представляет огромный интерес для различного рода исследований, начиная с геологии и кончая этнографией и археологией.

Этот регион интересен также с точки зрения важных проблем, связанных с этногенезом народов Индии. Основным населением этих областей являются потомки древних кунинда, или каннета, упоминавшихся в ведах. Есть основание полагать, что кунинда населяли Кулу и в доведический период. В связи с этой проблемой представляется уникальной изолированная долина Малана, расположенная за перевалом Чандракани. Немногочисленные жители Маланы до сих пор сохранили древнее наречие, традиции и культуру, на которые внешний мир оказал незначительное влияние. Население долины Кулу является живым источником для историка, этнографа и лингвиста. Земля Кулу и смежных с нею районов хранит немало древних, еще не известных нам реликвий, поэтому археологические раскопки имеют здесь большие перспективы.

Богатый животный и растительный мир индийских Гималаев, специфика геологической структуры, возможность вести ме-

теорологические наблюдения делали эту область ценной для ученых самых разных профилей, и у Николая Константиновича Рериха было достаточно оснований выбрать ее в качестве места для Гималайского института научных исследований. «Гималаи, — писал русский художник и ученый, — являются неисчислимым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической, философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место института в древней долине Кулу, или Кулута, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями. Тут проходил Будда, и в свое время процветали десятки буддийских монастырей. Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещера Арджуны; здесь собирал Махабхарату риши Виаса. Здесь и Виасакунд — место исполнения желаний» [9, 124].

Комплексный институт «Урусвати» («Свет утренней звезды») имеет свою трудную и славную историю. Он основан Н. К. Рерихом 24 июля 1928 г.¹ в Дарджилинге после завершения им Центральноазиатской экспедиции. В декабре 1928 г. институт был перебазирован в долину Кулу.

Инициативу открытия в Индии специального научного учреждения именно русским исследователем Азии нельзя считать случайностью. Русские ученые-востоковеды и путешественники в XIX—XX вв. активно осваивали малоизученные просторы Азии. Круг их интересов лежал в области того древнего и прямого пути, который связывал народы Юго-Восточной Азии с Россией через Сибирь и Тибетское нагорье в направлении Индии.

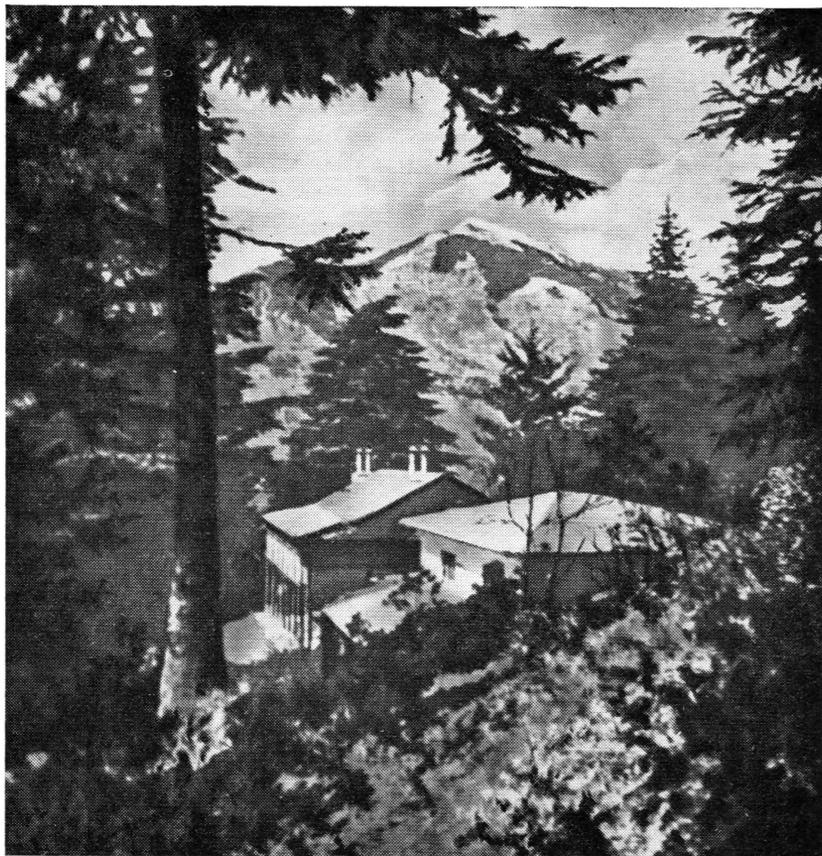
Правда, этот исторически сложившийся путь был чреват многими опасностями, вызванными не только суровой природой, но и тем барьером, который воздвигала вокруг себя «священная» Лхаса. В течение столетий его преодолели лишь отдельные смельчаки, переодетые паломниками-буддистами, попытки же приблизиться к Лхасе с научно-исследовательскими экспедициями успеха не имели.

Тем не менее русские исследователи никогда не отказывались от намерений проникнуть в таинственные области Азии, и вряд ли путешествие Н. К. Рериха можно рассматривать изолированно от общих усилий и сложившихся традиций отечественного востоковедения. Во всяком случае хорошо известно, что Н. К. Рерих тщательно следил за его достижениями и со многими из своих современников-востоковедов был тесно связан.

Великая Октябрьская революция и последовавшие за ней политические события усложнили работу русских исследователей

---

¹ Дата принята согласно указаниям самого Н. К. Рериха [14, 229]. В публикациях фигурируют и иные даты: 12 июля 1928 г. [18, 88] и 1929 г. [16, 262]. Последняя датировка, по-видимому, связана с началом деятельности института в долине Кулу.

Институт «Урусвати» в Кулу

в колониальных владениях западных стран. Великобритания всегда противодействовала пребыванию русских ученых в своих колониях, а в начале 20-х годов шансы появления в них русских исследователей практически были сведены ею к нулю. Это испытал на себе и Н. К. Рерих. Только трехлетнее пребывание в США и широко развернутая международная культурно-просветительская деятельность помогли ему в конце 1923 г. приехать в Индию, о чем он мечтал уже с начала 10-х годов.

К концу 1924 г. Рерих подготавливает большую экспедицию в Центральную Азию. Ее маршрут дважды пересекал Тибетское нагорье: с юга на север — в его западных областях и с севера на юг с обратным выходом в Индию — в восточной части. По своим масштабам такая экспедиция не имела прецедента в истории изучения Центральной Азии.

Рериху удалось осуществить свое, на первый взгляд казавшееся несбыточным намерение. Его Центральноазиатская экспедиция 1925—1928 гг. — самостоятельная тема, выходящая за рамки этой статьи. Мы упомянем лишь об одной характерной детали. Возвратиться в Индию с территории Советского Союза Рерих мог обходным путем, по китайской территории. Но он выбрал наиболее трудное направление — через владения Лхасы, которым уже пытались пройти его славные предшественники Пржевальский и Козлов. Завершая начатое ими дело, Рерих все-таки вынужден был обойти Лхасу круглым путем по совершенно неизвестным областям Трансгималаев. Однако это непредвиденное обстоятельство лишь обогатило науку многими ценными открытиями.

Николай Константинович Рерих вышел с экспедицией, в составе которой находились его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий Николаевич, в марте 1925 г. Экспедиция двинулась из Сиккима через Сринагар в Центральную Азию и вернулась в Сикким в конце мая 1928 г., перевалив через Гималайский хребет с севера в районе Джомолунгмы. На своем пути экспедиция собрала обширнейший научный материал. Вопрос о его систематизации, обработке и дальнейшем использовании так или иначе должен был возникнуть перед Рерихом. Решить его можно было по-разному: передать находки заинтересованным научным учреждениям Запада, которые частично финансировали экспедицию, найти подходящее научное учреждение в самой Индии или же заняться продолжением успешно начатого дела самостоятельно. Рерих остановился на последнем, как на единственно приемлемом для себя решении.

Интересы Рериха никогда не замыкались изучением какой-либо одной страны или национальной культуры Востока. Начав свою научную деятельность с археологических изысканий в северо-западной части России, Рерих увлекся проблемой исторических миграций народов Азии, влиянием их древних культур на более молодую культуру славянских племен. И это привело к тому, что в конце концов исследовательская деятельность Рериха-ученого охватила обширнейшую территорию, включившую в себя северо-запад России, Алтай, Монголию, северо-запад Китая и Гималаи.

Приехав в 1923 г. в Индию, Рерих спешит в Сикким, к южным склонам Гималаев, откуда ведут пути через Тибет и Монголию до самой Сибири. Первые дневниковые записи Николая Константиновича [12; 20] больше повествуют о Тибете и Монголии, чем собственно об Индии. Много в них упоминаний и о России. Рерих как бы готовится к походу в те области Центральной Азии, куда не смогли проникнуть его соотечественники с северного направления.

Стремление внести свою лепту в русское востоковедение, согласовать свою деятельность с теми задачами, которые при-

обретали актуальность для Советского Союза, никогда не угасало в Рерихе. Об этом свидетельствуют как его постоянные усилия наладить связи с советскими учеными, так и его контакты с советской дипломатией за рубежом начиная с 1924 г. Николай Константинович имел полное право заметить в «Листах дневника»: «Для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским путям» [9, 244].

Особый интерес Рериха к тем районам Азии, которые ближе подходили к сибирским землям, вполне понятен. Однако как для русского востоковедения в целом, так и для Рериха индология сохраняла свое ведущее место. И изучение возможностей прямого общения России с Индией через Тибет в прошлом, настоящем и будущем все больше и больше сближало Рериха с индийской культурой, останавливало его внимание на проблемах, связанных с русско-индийским культурным и научным сотрудничеством. Поэтому организация на индийской территории независимого научного учреждения, преследующего такие цели, имела для Николая Константиновича первостепенное значение. Он писал: «Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о философии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней. Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и забыты в пыли неведомых полок библиотечных. Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное [...]. Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно „Алтай—Гималаи“ — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [там же, 268].

«Алтай—Гималаи» — книга, собранная из путевых записей Н. К. Рериха 1923—1928 гг. Как бы объявляя о своих намерениях и настроениях, он открывает книгу словами, записанными еще по пути в Азию: «„Урус карош“ — кричит лодочник в Порт Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке зеленит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: „Карош урус!“ Привет Востока!» [5, 10].

В двух английских изданиях «Алтай — Гималаи» [21; 22] начальные слова русского оригинала рукописи по вполне понятным причинам были опущены. Книга «Алтай—Гималаи» содер-

жит записи о Цейлоне, Сиккиме, Кашмире, Синьцзяне, Советском Алтае, Монголии, Тибете, собственно Индии. И если мы взглянем на географическую карту, то увидим, что место, выбранное Рерихом для нового института, находится в центре той громадной территории, которую охватывали его научные интересы. При этом они не ограничивались прямой специальностью Рериха-ученого — археологией. Помимо археологического отдела при институте «Урусвати» сразу же были открыты отделы естественных наук и медицины, научная библиотека, музей для хранения экспедиционных находок. Отделы имели свои специализированные подразделения. Так, при археологическом отделе существовали секции общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии. Отдел естественных наук занимался ботаникой и зоологией, метеорологическими и астрономическими наблюдениями, изучением космических лучей в высокогорных условиях. В медицинском отделе наряду с изучением древнетибетской медицины и фармакопеей была организована биохимическая лаборатория, в которой исследовались современные средства борьбы против рака.

Институт «Урусвати» был задуман Н. К. Рерихом как научно-исследовательское учреждение по комплексному изучению обширных территорий Азии, заселенных народностями, древнейшая культура которых оказала в свое время исключительное влияние на развитие мировой культуры, в первую очередь европейских народов, несправедливо забывших, а подчас и сознательно искажавших предысторию своей цивилизации.

Солидаризуясь с народами Востока, с их представителями науки и прогрессивной общественной мысли, Рерих отказывался примириться с подобной несправедливостью. Недооценка прошлого, настоящего и будущего народов Востока, с умыслом или непреднамеренно подкрепляемая европоцентристскими теориями, уже сама по себе была для него острейшей научной проблемой, требующей немедленного и коренного пересмотра. Поэтому и значение Н. К. Рериха как ученого нельзя определять исходя только из тех научных дисциплин, в которых он непосредственно вел научную работу. Рерих был также и замечательным организатором науки, ее идеологом, активно борющимся за то, по его словам, «руководящее знание», которое содействовало бы воцарению справедливости на всем земном шаре.

Предпосылки возникновения института «Урусвати» можно в основном свести к следующим:

1) научная деятельность Н. К. Рериха до 1917 г., выражавшая общие традиции русских востоковедов и исследователей Центральной Азии;

2) экспедиция 1925—1928 гг., блестяще завершившая деятельность русских путешественников XIX и начала XX в. Впер-

вые был проложен маршрут из Сибири через Тибетское нагорье и Трансгималаи прямо в Индию;

3) необходимость научной обработки собранных в экспедиции материалов;

4) повышенный интерес Н. К. Рериха к Индии и его давнишнее стремление наладить регулярное научное и культурное сотрудничество между Россией и Индией.

Мы сейчас не касаемся художественных интересов и устремлений Рериха. Он всегда и при всех обстоятельствах, конечно, оставался художником. Искусство народов Востока, в том числе индийское, было ему бесконечно дорого и оказало на его живопись заметное влияние. Через всю богатую творческую жизнь Рериха изобразительное искусство проходило красной нитью. Однако было бы ошибочно полагать, что только оно привело Рериха в Азию. Достаточно упомянуть, что одним из первых его визитов по приезде в Индию в 1923 г. было посещение научного института Дж. Боса в Калькутте. Известный индийский ученый серьезно отнесся к предложению Рериха о сотрудничестве и вскоре навестил его в Сиккиме. В дальнейшем институт Дж. Боса и «Урусвати» не прерывали научных контактов.

Задачи, поставленные Рерихом перед этим новым научно-исследовательским учреждением, были поистине грандиозны, а то, что «Урусвати» находился в тогда еще колониальной Индии, намного усложняло их решение. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что далеко не все намеченное Рерихом удалось полностью реализовать. Более достойно удивления то, что ему удалось так много сделать в невероятно трудных условиях 20—30-х годов и что многие поставленные им проблемы не только не потеряли актуальности в наше время, но приобрели еще большее значение. Предвидение крутого поворота в судьбах народов Востока не обмануло Рериха, и все его начинания оказались на редкость перспективными.

Первыми практическими шагами по укреплению положения института «Урусвати» была поездка в западные страны. В июне 1929 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич посетили Нью-Йорк. Там заканчивалось строительство 24-этажного здания, предназначенного для размещения музея, Института объединенных искусств, Международного центра искусств и других культурных организаций, созданных американскими сотрудниками Рериха. Среди них были весьма влиятельные люди — видные деятели науки и культуры. Поэтому по приезде в США Рерихи были приняты президентом Гербертом Гувером и мэром Нью-Йорка Дж. Уокером.

Интерес к недавно закончившейся Центральноазиатской экспедиции Рериха был в США исключительно велик, так как экспедиция эта была осуществлена при содействии американских научных и культурных организаций, шла под американ-

ским флагом, и еще до ее окончания Ньюйоркский музей им. Н. Рериха получил от художника в дар около 300 полотен азиатской тематики, вызвавших усиленный приток посетителей.

Для дальнейшего развития научной работы в Индии Рериху была необходима американская поддержка. Она придавала институту «Урусвати» респектабельность в глазах английских властей и способствовала созданию его материально-технической базы. Поэтому при Музее им. Н. Рериха в Нью-Йорке сразу же было открыто отделение «Урусвати», которому художник пожертвовал ценнейший Канджур-Танджур — буддийский священный канон на тибетском языке, состоящий из 300 книг. Другой Канджур-Танджур, также вывезенный из Центральной Азии, остался в Кулу.

Рерих довольно скоро наладил деловые связи с научными учреждениями Америки и Европы, заинтересовал их обменом научной информацией и предоставлением помощи на местах ученым, посещающим Азию. В частности, сразу же была достигнута договоренность об оказании организационной помощи сотруднику Мичиганского университета, д-ру Вальтеру Кельцу, выехавшему в долину Кулу для изучения и сбора альпийской флоры Гималаев.

Весной 1930 г., после посещения Парижа и Лондона, Николай Константинович и Юрий Николаевич были уже готовы выехать обратно в Индию, но их задержали совершенно непредвиденные обстоятельства. Позже, отмечая трехлетие работы института «Урусвати», Рерих писал: «Не забудем, что из тридцати шести месяцев существования более восьми месяцев ушло на прискорбные и совершенно ненужные трения, нанесшие глубокий как денежный, так и моральный вред» [14, 300].

Эти трения, грозившие срывом всех планов Рериха, были вызваны попыткой англичан воспрепятствовать возвращению Рерихов в Индию. Это была уже вторая акция британского министерства иностранных дел, направленная против Рериха. Первая, чуть было не стоившая жизни всем членам Центральноазиатской экспедиции, была предпринята зимой 1927 г., когда по требованию англичан экспедиция была задержана лхаскими воинскими подразделениями на высокогорном плато в Тибете.

Не добившись в Лондоне въездных виз в Индию, Николай Константинович и Юрий Николаевич выехали в принадлежавшую тогда Франции колонию Пондишери, где занялись обследованием местных древних погребений с урнами и саркофагами.

Только к концу 1930 г. Рерих и его старший сын попадают обратно в Кулу, где безвыездно находилась жена художника Елена Ивановна и приглашенный еще в июне 1928 г. из Риги в Индию секретарь института «Урусвати» — Владимир Анатольевич Шибаев.

По возвращении в Кулу Николай Константинович немедленно приступает к подготовке новых экспедиций как в самой долине, так и в прилегающих к Западным Гималаям областях Тибета. В 1931 г. он уже ведет экспедицию из Кулу через перевал Ротанг в Лахуль. Перевалы Западных Гималаев да и весь Кашмир представляли для него исключительный интерес, так как через них шли пути к Средней Азии, пески которой скрывали остатки древних культур народов, общавшихся на востоке и юге с Китаем и Индией, а на западе и севере с европейскими странами и Сибирью.

В течение двух лет институтом «Урусвати» было проведено пять экспедиций непосредственно в долину Кулу и экспедиции в Лахуль, Бешар, Кангру, Лахор, Ладак и Занскар, систематизированы находки Центральноазиатской экспедиции, подобрана научная библиотека, богатая уникальными древними манускриптами. В музее института появились ценные ботанические, орнитологические, зоологические коллекции, возведено новое здание биохимической лаборатории.

Руководство институтом «Урусвати» было возложено на Юрия Николаевича Рериха, который и состоял его бессменным директором. Универсальные познания Ю. Н. Рериха позволяли ему следить за разнохарактерными областями научных исследований, координировать и направлять их работу.

Сам Николай Константинович, проводивший ежедневно несколько часов за мольбертом и обремененный множеством других дел, в том числе перепиской с несколькими сотнями корреспондентов, не переставал уделять институту «Урусвати» много внимания и был его вдохновителем и идейным наставником. Большую помощь ему оказывали: жена Елена Ивановна, которая была президентом — основателем института, и младший сын — Святослав Николаевич, художник, знаток древнего искусства и местных фармакопей, хороший ботаник и орнитолог. Многосторонность знаний и занятий каждого члена семьи Рерихов при их слаженном сотрудничестве и неутомимой энергии давала особенно эффективные результаты и много способствовала успеху и широкому признанию института «Урусвати» как в самой Индии, так и далеко за ее пределами.

Деятельность института опиралась на международный обмен научной информацией и ее накопление из тех первоисточников, которые предлагали сотрудникам института малоизученные области Азии. Н. К. Рерих писал по этому поводу: «Когда мы основывали институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных и хороших возможностей замерзнут [...]. Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют „аш-

рам“. Это — средоточие. Но умственное питание „ашрама“ добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники „ашрама“ тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы» [6, 76].

Некоторые экспедиции института возглавлялись самим Николаем Константиновичем. Так, в 1931 г. он посетил Лахуль, в столице которого — Кейлонге — был создан филиал института «Урусвати» для регулярных летних наблюдений. В последующие годы туда обычно выезжала месяца на два Елена Ивановна.

Путевые записи Н. К. Рериха свидетельствуют, что, как историк, он всегда мыслил широко и стремился объяснить причины глубочайшего взаимопроникновения древних культур. В Лахуле он записывал: «В историческом и археологическом отношении край мало исследован. Картина „Менгиры в Гималаях“ будет напоминать о менгироподобных камнях, утверждаемых с древнейших времен и до наших дней на горных перевалах. Обычай этот имеет несомненную связь с древними менгирами Тибета, открытыми нашей экспедицией в 1928 году, подобными менгирам Карнака [...]. Ладак, Дартистан, Балтистан, Лахуль, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) изобилуют разнообразными сходными в техническом отношении изображениями, невольно напоминающими скалы Богуслана и изображения ост-готов и прочих великих переселенцев» [14, 261].

Одновременно с походом в Лахуль другая группа сотрудников «Урусвати» находилась в Ладаке, где собирала превосходные коллекции в окрестностях Леха.

Придерживаясь собственных научных концепций и неприемлемых для западных колонизаторов взглядов на ближайшее общественно-политическое развитие стран Востока, Н. К. Рерих отнюдь не игнорировал значения американских и европейских культурных и научных организаций и налаживал с ними контакты, без которых деятельности «Урусвати» грозила бы некоторая односторонность.

Например, уже первые экспедиции, проведенные силами института, позволили собрать и обработать для Мичиганского университета в США богатую энтомологическую коллекцию и гербарий из 3700 единиц, представлявших около 1500 видов растительности. Для Ботанического сада в Нью-Йорке была составлена коллекция семян и собрано 3800 образцов растительного мира Гималаев. Департаменту земледелия США (Вашингтон) была послана коллекция семян, музею Гарвардского университета (Кембридж, США) — зоологическая коллекция, Национальный музей естественной истории в Париже получил около 2 тыс. образцов горных растений и коллекцию семян.

Медицинский отдел института «Урусвати» наладил сотрудничество с биохимиками Гарвардского университета. Большой интерес вызвали переводы на европейские языки древних манускриптов по тибетской медицине и фармакопее. При участии лам-лекарей впервые был составлен атлас тибетских лекарственных растений.

Сразу же завоевали признание труды Юрия Николаевича Рериха по лингвистике и филологии. Его сотрудничество с известным знатоком тибетской литературы и местных диалектов, профессором Дарджилингского университета, ламой Лобзанг Мингюр Дордже было особенно плодотворным. Лобзанг Мингюр Дордже подолгу оставался в Кулу для совместной с Юрием Николаевичем работы.

Тесные связи с такими светилами индийской науки, как Чандрасекар Раман, Джагадиш Чандра Бос, с такими видными представителями индийской литературы, философии, искусства, просвещения, как Рабиндранат Тагор, Обининдранатх Тагор, Асит Кумар Халдар, Сунити Кумар Чаттерджи, Рамананда Чаттерджи, Сарвапалли Радхакришнан, Свами Сананд Сарасвати, Тейджа Сингх, Дас Гупта, К. П. Тампи, Р. М. Равал, и многими другими придавали институту «Урусвати» особый вес и значение в глазах западных ученых. Большую популярность деятельности института принесли и изданные в Нью-Йорке, Лондоне и Париже книги Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха о своих азиатских путешествиях и исследованиях.

Не удивительно, что в списках почетных советников по науке, членов-корреспондентов и постоянных сотрудников «Урусвати» скоро появились и имена таких известных западных ученых, как лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн, Р. Милликен, Л. Бройль, президент Американского археологического института Р. Маггофин, знаменитый путешественник Свен Гедин, профессор Института Пастера в Париже С. И. Метельников, профессор Гарвардского университета, индолог Чарльз Ланман, профессор К. К. Лозин-Лозинский (Париж), французский археолог К. Бюиссон, директор Ботанического сада в Нью-Йорке Е. Д. Меррил и многие другие.

О доверии к институту «Урусвати» и признании за ним больших научно-исследовательских возможностей свидетельствует и последняя азиатская экспедиция, проведенная в 1934—1935 гг. под личным руководством Н. К. Рериха и при участии Ю. Н. Рериха и нескольких специалистов-ботаников. Эта экспедиция была предпринята по инициативе Департамента земледелия США и имела свои специфические задания. Из-за хищнического использования земельных и лесных угодий американское сельское хозяйство несло большой урон от эрозии почв. Полное обеззеленение в некоторых районах страны влекло за собой распространение пустынь. Департамент земледелия, обеспокоенный угрожающим характером этих явлений, предложил

Н. К. Рериху организовать изучение и отбор засухоустойчивой барханной растительности, которую можно было бы использовать на сожженных солнцем полях западных районов США.

В апреле 1934 г. Н. К. Рерих договорился в Нью-Йорке об условиях финансирования и оснащения экспедиции, а в мае уже направился в Маньчжурию, где экспедиция приступила к работе в районах степной Барги и западного нагорья Хинганского хребта. В 1935 г. экспедиция была перебросена в Северный Китай и исследовала предгорья Хингана и окраины пустыни Гоби. Всего Рерихом было послано в США около 2 тыс. посылок различных травяных семян, разнообразных видов засухоустойчивых трав и кустов. В Америке они испытывались и размножались на специальных плантациях, откуда и поступали в оголенные равнины западных штатов.

Кроме прямых заданий экспедиции, ее участники, как всегда, занимались археологической разведкой, сбором фольклорного и лингвистического материала. Удалось также собрать много образцов лекарственных растений, а в одном из старинных монастырей был обнаружен и переписан редчайший тибетский медицинский манускрипт.

Н. К. Рерих и Ю. Н. Рерих вернулись в Кулу в декабре 1935 г. Цели экспедиции 1934—1935 гг. не были для Рериха случайными. Актуальная для нашего времени проблема охраны природы тревожила его с самого начала столетия, а в 20—30-х годах он неоднократно выносил этот вопрос на широкое обсуждение. Он писал: «Люди, которые еще в простоте душевной полагают, что „Бог траву родит“, забывают пословицу: „На Бога надейся, а сам не плошай“. Когда приходится видеть систему орошения египетских пустынь, мне всегда приходит мысль: как сравнительно мало нужно сделать, чтобы, казалось бы, мертвая поверхность опять зацвела! И в этом смысле каждый, как специалист, так и доброжелательный обыватель, одинаково должны сойтись, чтобы помочь целым странам. И в этой помощи будущим поколениям будет одно из тех безымянных благодеяний, которыми держится бытие [...]. Да, нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и простирать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Потому оживление пустынь как в своем буквальном значении, так и в переносном, духовном понимании является благородной задачей человечества. Да процветут все пустыни!» [11].

Успешная деятельность института «Урусвати» превратила его в одно из крупных научных учреждений Индии. Институт сотрудничал со многими научными организациями стран Европы и Америки. Обменивался публикациями с 285 институтами, университетами, музеями, библиотеками, научными обществами. Выпускался ежегодник «Журнал Института гималайских исследований Урусвати». Многие научные учреждения различных стран стремились получить это издание. Статьи, содержавшие-

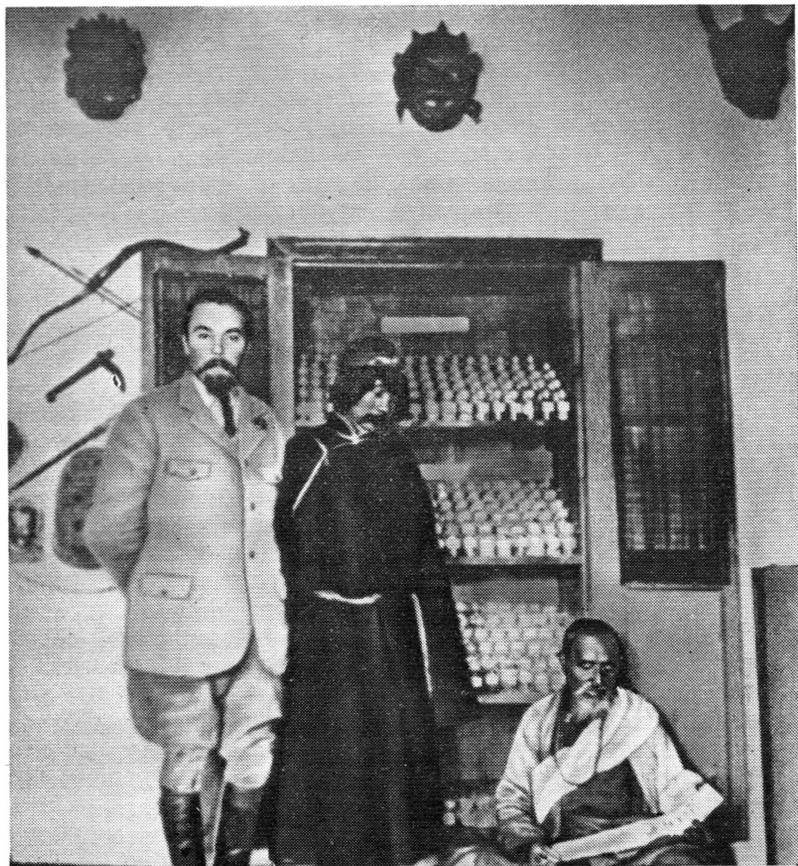
ся в нем, затрагивали важнейшие проблемы, связанные с рядом ведущих научных дисциплин. В журнале публиковались материалы по археологии, этнографии, лингвистике, философии, ботанике, фармакологии, геологии и т. д. Большой раздел журнала был посвящен отчетам и дневникам регулярно проводившихся экспедиций. В этой связи необходимо отметить выдающуюся роль Ю. Н. Рериха, которую он сыграл в научной работе института и его публикациях. Статьи Ю. Н. Рериха занимали значительное место в журнале «Урусвати». Им были опубликованы ценнейшие работы, такие, как «Проблемы тибетской археологии», «К изучению Калачакры», «Тибетский диалект Лахуля» и т. д. Отдельными изданиями вышли такие важные работы Юрия Николаевича, как «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета», где он проследил контакты различных культур и цивилизаций, «По тропам Центральной Азии», в основу которой легли его дневники во время Центральноазиатской экспедиции.

Публиковались и монографии сотрудников. Среди них важнейшее место занимала серия «Tibetica», посвященная древностям Тибета, создателем которой был Ю. Н. Рерих.

Работая в качестве директора института и будучи его ведущим сотрудником, Юрий Николаевич оказал огромное влияние на организацию и развитие разнообразных исследований. Он первый произвел ряд археологических раскопок в Кулу и прилегающих областях индийских Гималаев. В Лахуле он обнаружил три типа древних погребений, по преданию принадлежавших пришельцам с севера. В погребениях нашли человеческие останки, этническую принадлежность которых трудно было установить, железные изделия и керамику. Как археолог и этнограф, Ю. Н. Рерих всегда стремился проследить взаимные влияния различных культур. Так, изучая резьбу по дереву лахульских горцев, он отмечал, что «некоторые орнаменты любопытно напоминали одну из нордических резб по дереву» [17, т. 2, 150].

В Кулу, Лахуле, Спити Ю. Н. Рерих собрал ценнейшую этнографическую коллекцию и провел лингвистическое обследование Лахуля. В старинных буддийских монастырях ему удалось собрать уникальную коллекцию тибетских рукописей и книг. Вместе с этим Ю. Н. Рерих упорно трудился над созданием тибето-санскритско-русско-английского словаря, макет которого впоследствии был передан им Институту востоковедения АН СССР. Вся эта деятельность Юрия Николаевича снискала ему мировое признание в востоковедных кругах.

В формировании его как ученого важнейшую роль сыграли постоянное сотрудничество с отцом и работа в институте «Урусвати». Николай Константинович Рерих рано начал готовить своего старшего сына к востоковедной деятельности. Еще в Петербурге, в гимназические годы Юрий Николаевич учился у знаменитого русского египтолога Б. А. Тураева и монголо-

Ю. Н. Рерих с сотрудником Калимпонгского университета, ламой Лобзанг Мингюром и собирателем трав из Тибета

да А. Д. Руднева. В 1919—1923 гг. он обучался в Школе восточных языков Лондонского университета, затем в Гарвардском университете и Школе восточных языков при Сорбонне (Париж). К двадцати двум годам он получил степень бакалавра по отделению индийской филологии и звание магистра индийской филологии.

Когда в конце 1923 г. Юрий Николаевич приехал в Индию, он был уже хорошо подготовленным индологом, тибетологом, тюркологом и иранистом. Путешествие по обширным неисследованным районам Азии, многогранные интересы отца, его связи и организаторские способности открыли перед молодым ученым такие возможности и такое поле деятельности, которые

редко кому представляются. И эти возможности Юрий Николаевич блестяще использовал.

Весьма плодотворной была работа института и в области естественных наук. Регулярно проводившиеся экспедиции значительно расширили наши знания об одном из районов Гималайских гор. Собранные во время экспедиций коллекции — ботанические, зоологические, палеонтологические, геологические, орнитологические — представляли научный материал огромной ценности.

Сотрудники института регулярно участвовали в международных научных конгрессах. Скоро уже не сам институт, а другие научные учреждения Европы и Америки стали искать контактов с «Урусвати». Предлагали сотрудничать в организации разного рода экспедиций, в области изучения раковых заболеваний, интересовались переводами тибетских трактатов, посвященных древней медицине. Настойчиво добивались сотрудничества с институтом в долине Кулу Парижский госпиталь и Парижский национальный музей, Американская ассоциация медицинских колледжей, разного рода востоковедные научные учреждения.

Однако, несмотря на это, институт испытывал большие затруднения. Причина крылась в самом обычном обстоятельстве — в отсутствии средств. Их поступление носило спорадический характер и зависело от финансовых возможностей сотрудничающих с «Урусвати» научных и культурных учреждений, от единовременных частных или общественных субсидий, от издательской деятельности. В начале 30-х годов западные страны были охвачены жесточайшим экономическим кризисом. Суммы для обеспечения бесперебойной работы института получить было все труднее. Подчас приходилось довольствоваться только личными доходами Н. К. Рериха с продажи картин, а этого, конечно, не могло хватить для научно-исследовательской деятельности целого коллектива ученых.

В 1938 г. Николай Константинович с болью писал: «Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел д-р Бернард Рид, доказавший, что основы древнейшего письма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет» [9, 125].

На третьем томе пришлось прекратить издание ежегодника «Урусвати». В 1935 г. американский бизнесмен Луи Хорш путем обманных махинаций с акциями присвоил здание музея

им. Н. Рериха в Нью-Йорке со всем его имуществом. Это усугубило и без того трудное финансовое положение института. Однако деятельность его не только не прерывалась, но в некотором направлении даже форсировалась Н. К. Рерихом. Ему необходимо было установить связи с советскими научными организациями, которые могли бы оказать содействие при уже конкретно намеченном сроке возвращения русского художника и ученого в Советский Союз. В «Листах дневника» Рерих отмечает: «В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные, и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы. Г. Г. Ш.² извещал, что Суриц³ предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному совету о Пакте⁴. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей» [там же, 245].

После провалившихся попыток не допустить Рериха в Индию в 1928 и 1930 гг. англичане установили за ним неусыпное наблюдение. Дело доходило даже до поисков в Кулу нелегальной радиопередаточной станции и запросов в США с просьбой о расследовании «политической благонадежности» культурных организаций, возникших там по инициативе Рериха или его ближайших сотрудников.

Всегда благожелательное отношение к Советскому Союзу, статьи об экономических и культурных достижениях его народов, горячий патриотизм Рериха, а также его дружба с лидерами освободительного движения в Индии вызвали подозрения у английских властей. Поэтому Николай Константинович вынужден был вести себя сугубо осторожно. Прямая переписка с советскими учреждениями, даже получение из Советского Союза научных изданий были крайне затруднены и грозили самыми нежелательными последствиями.

Поэтому Рериху приходилось прибегать к помощи третьих лиц, проживавших в основном в Париже и Прибалтике. Во второй половине 30-х годов особые надежды Николай Константинович возлагал на Прибалтику, возможно, пытаясь использовать ее в качестве промежуточного плацдарма при возвращении на родину. В письме от 26 августа 1936 г. он предупреждает председателя рижского музея им. Рериха: «Досмотрите, чтобы о Шв.⁵ сейчас ничего дурного не писалось в связи с нами» [10], а в письме от 24 августа 1938 г. выражает желание

² Г. Г. Ш. — Г. Г. Шклявер, секретарь французского общества им. Рериха.

³ Я. З. Суриц — посол Советского Союза во Франции (1937—1940).

⁴ Речь идет о Пакте Рериха по охране культурных ценностей при вооруженных столкновениях.

⁵ Ввиду того, что переписка Рериха подвергалась цензуре, он не употреблял в письмах слов: Россия, Советский Союз, заменяя их словами: Швеция, Шв. Москва в переписке с Прибалтикой превращалась в Стокгольм или Центральный город.

переслать из Индии в Ригу свои архивы и просит сообщить о возможности их размещения в музее [там же].

В 1937 г. в «Урусвати» обращается с рядом вопросов известный советский биолог и генетик Николай Иванович Вавилов. Между ним и Святославом Николаевичем, изучавшим растительный мир Гималаев, состоялся обмен письмами, в результате которого в Ботанический сад Академии наук СССР были посланы семена редких злаков. Как для переписки, так и для транспортировки посылки опять-таки приходилось прибегать к содействию членов правления Музея им. Рериха в Риге Р. Я. Рудзитиса и Г. Ф. Лукина. Однако несмотря на риск, Рерих пытался установить и прямые связи с советскими учеными и организациями. Так, в письме к Р. Я. Рудзитису от 15 января 1938 г. он сообщает: «Мы получили из того же учреждения, где Вав[илов], запросы о семенах и пошлем их непосредственно. Нет ли у Вас новостей в этих направлениях, расписок и тому под.?» [там же].

Рижский Музей им. Рериха в 1939 г. выпустил альманах «Мысль», а в 1940 г. «Литературные записки», в которых наряду с патриотическими статьями самого Николая Константиновича были помещены статьи советских авторов и опубликованы различные данные об экономических и культурных достижениях в Советском Союзе.

Сложнейшая политическая обстановка перед началом второй мировой войны тормозила многое, что было предпринято Н. К. Рерихом, она же оказывала отрицательное воздействие на его усилия по установлению регулярной связи с советскими научными организациями и затрудняла подготовку к его возвращению в СССР.

Война, вспыхнувшая в 1939 г., не замедлила губительно сказаться на работе института «Урусвати». Уже в июле 1940 г. Н. К. Рерих, предвидя его неминуемую консервацию, записал в «Листах дневника»: «Сперва мы оказались отрезаны от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава [...]. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре. Вот и в Португалию уже нельзя писать. На телеграмму нет ответа из Риги. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Всюду нельзя. И на Родину невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали? [...] Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам на старых рубцах. Будет что-то новое, но когда?» [9. 200].

Николай Константинович Рерих так и не получил ответа на этот вопрос. 13 декабря 1947 г., в самый разгар послевоенных сборов на родину, счет его земным дням оборвался. Тем не менее начинания, которые он сам не успел завершить, далеко не исчерпали своих возможностей.

Значительная часть художественного и литературного наследия Н. К. Рериха, согласно его посмертной воле, была привезена в Советский Союз, получила широкое признание и продолжает служить гуманным идеалам нового человеческого общества, в победу которого всегда неуклонно верил Николай Константинович.

Научные взгляды на значение Востока в прошлом и будущем человечества, которые разделял Рерих, давно уже заняли прочное место в нашем востоковедении, а сотрудничество между советскими учеными и учеными стран Востока, в том числе Индии, полностью оправдало его смелые прогнозы.

Между тем научная деятельность Николая Константиновича, отважного путешественника, впервые проложившего прямые пути между Россией и Индией через Центральную Азию, все еще недостаточно освещена. Институт «Урусвати», прекративший свою работу в 1939 г., как был, так и остается в законсервированном состоянии. Н. К. Рерих не успел распорядиться его судьбой при жизни, как сделал это со своим художественным наследием, отобрав для отправки в Советский Союз свыше 400 картин, которые и привез с собой в 1957 г. его сын Юрий Николаевич. Возвращение его на родину имело большое положительное значение для нашего востоковедения.

Юрий Николаевич Рерих проработал у нас лишь два с половиной года. Его преждевременная кончина в 1960 г. была воспринята как тяжелая потеря для советского и мирового востоковедения. Святослав Николаевич Рерих передал привезенную братом из Индии библиотеку в распоряжение Института востоковедения АН СССР, где на ее базе был организован научный кабинет им. Ю. Н. Рериха. Это позволило сотрудникам и ученикам Юрия Николаевича успешно продолжать начатую им работу. Однако многое, что намечал и мог бы с пользой для отечественного востоковедения сделать Ю. Н. Рерих, осталось неосуществленным. Среди этого едва ли не первостепенное значение имеет дальнейшая судьба научных материалов и исследований института «Урусвати».

* * *

Одному из авторов этой статьи — Л. В. Шапошниковой — весной 1972 г. довелось побывать в Кулу и при содействии Святослава Николаевича Рериха подробно ознакомиться с положением дел на месте. По-видимому, здесь мало что изменилось после смерти основателя института «Урусвати». Только к вил-

ле Рерихов и зданиям института пролегла узкая асфальтированная дорога. В те далекие годы снизу в горный поселок Нагар приходилось добираться на лошадях. О прошлом еще напоминают ставшие ненужными керосиновые лампы. По вечерам окна виллы светятся теперь электрическим светом. Такие же огоньки мерцают и внизу по всей долине.

Каждый день к дому Рерихов поднимаются группы экскурсантов, тех, кто проводит жаркий сезон в Кулу, шумные компании студентов. Они останавливаются у ворот виллы и робко спрашивают, здесь ли находится галерея картин Николая Рериха. Их встречает седой, неизменно приветливый, сын художника и сам художник, Святослав Николаевич Рерих. Он ведет посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам развешаны гималайские этюды его отца. Люди подолгу стоят у этих картин, удивляются, что они написаны русским, а потом спускаются вниз по склону к серому камню, на котором высечены слова: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, соответствующего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Чуть выше виллы стоит деодаровая роща. Вместе со Святославом Николаевичем поднимаемся по тропинке, вьющейся по некрутому склону. Метров через пятьсот мы оказываемся на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стоят два здания Гималайского института научных исследований. На одном из них еще сохранилась вывеска. «Урусвати» — коротко гласит надпись.

— Весь этот склон и роща, — говорит Святослав Николаевич, — принадлежат институту. Всего двадцать акров земли, которую мой отец, Николай Константинович, отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники института, а в следующем размещались индийские ученые.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднеется груда камней, бывшая, очевидно, когда-то фундаментом. Оказывается там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм замка долго не поддавался. Наконец, он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно закрытые ставни. Когда глаза привыкли к этому сумеречному полумраку, можно было увидеть повсюду стоящие ящики. Они громоздились друг на друге. Ящиков было много, и толстый слой пыли покрывал их. По стенам стояли застекленные шкафы.

— Наши коллекции, — коротко бросил Святослав Николаевич.

Выяснилось, что здесь хранились коллекции, частично оставшиеся от Центральноазиатской экспедиции, и коллекции, собранные экспедициями самого института. Богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилась ценная этнографическая и археологическая коллекция. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая коллекция полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая — содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы проходим в следующее помещение, по стенам которого тянутся полки с книгами. Библиотека насчитывает четыре тысячи томов. Кроме книг, в распоряжении Святослава Николаевича находится рукописный архив Рерихов, который ждет своих исследователей.

В одном из зданий мы обнаружили остатки оборудования биохимической и физической лабораторий. Книги уже давно никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовался...

Но тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Казалось, что люди только недавно покинули эти стены, какими-то независимыми от них обстоятельствами неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лабораторий. Много лет назад Николай Константинович Рерих писал: «Урусвати — Гималайский институт научных исследований начался в 1928 г. под самыми хорошими знаками» [9, 124].

Может быть, действительно эти знаки были хорошими? И может быть, наступит время, когда откроют ящики с коллекциями и шкафы с книгами, расставят по своим местам беспорядочно сложное лабораторное оборудование и ныне пустые комнаты наполнятся звуками шагов и голосами? А в институте, основанном большими русскими учеными Рерихами, начнут работать те, для кого, собственно, все и создавалось, — индийские и советские ученые.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П. Ф. Николай Рерих в Индии.— «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972.
2. Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих. М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине.— «Международная жизнь», М., 1965, № 1.

4. Окладников А., Беликов П., Маточкин Е. Рерих — исследователь Азии.— «Сибирские огни», 1974, № 10.
5. Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М., 1974.
6. Рерих Н. К. Врата в будущее. Рига, 1936.
7. Рерих Н. К. Держава света. Нью-Йорк, 1923.
8. Рерих Н. К. Зажигайте сердца. М., 1975.
9. Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974.
10. Рерих Н. К. Письма к Р. Я. Рудзитису.— Архив Г. Р. Рудзитис. Рига.
11. Рерих Н. К. Пусть процветут пустыни.— «Рубеж». Харбин, 1935, № 43.
12. Рерих Н. К. Пути благословения. Рига, 1924.
13. Рерих Н. К. Сердце Азии. Нью-Йорк, 1929.
14. Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Париж, 1932.
15. Рерих Ю. Н. Избранные труды. М., 1967.
16. Рерих Ю. Н. Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию.— «Вопросы географии». М., 1960, сб. 50.
- 16а. Рериховские чтения. Материалы конференции. Новосибирск, 1976.
17. Journal of Uruśvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum, vol. 1—3, 1931—1933.
18. Roerich Museum: a Decade of Activity 1921—1931. New York, 1931.
19. Roerich G. N. Sur les pistes de l'Asie Centrale. Paris, 1933.
20. Roerich G. N. Trails to Inmost Asia. London, 1931.
21. Roerich N. Altai Himalaya. New York, 1929.
22. Roerich N. Altai Himalaya. London, 1930.
23. Roerich N. Heart of Asia. New York, 1930.
24. Roerich N. Himalayas — the Abode of Light. Bombay, 1947.
25. Roerich N. Himavat. Allahabad, 1947.
26. Roerich N. Shambala — the Resplendent. New York, 1930.
27. Roerich S. Art in the Kulu Valley. Bombay — Kulu, 1967.